

12+

ДОРОФЕЯ ЛАРИЧЕВА

ЭЛЬФИНЯ
ЗАЧАРОВАННЫЙ ГОРОД

Эльфиния

Дорофея Ларичева

Эльфиния. Зачарованный город

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ларичева Д.

Эльфиния. Зачарованный город / Д. Ларичева — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Эльфиния)

ISBN 978-5-532-99622-9

Давным-давно, когда Земля была совсем юной, в чащах лесов зародилась особая жизнь. На свет появились те, кого люди позже нарекут феями, лесными духами, эльфами, лешими. Но вскоре у представителей леса появился общий враг – городские сородичи. Чтобы предотвратить возможную войну между городом и лесом, сроком на сто лет был заключен мирный договор... Проходит время, и бывшие договоренности теряют свою силу. Для того чтобы обезопасить своих, глава городских вместе со старейшинами выбирают арбитров – людей, наделенных Даром. Их выбор падает на старшеклассника Женю Шукина и его одноклассницу Элю Тихонову. Ребятам предстоит разгадать магические тайны и секреты эльфов!

ISBN 978-5-532-99622-9

© Ларичева Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Са-а-ар	5
Женя Шукин	10
Эля Тихонова	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дорофея Ларичева

Эльфиния. Зачарованный город

Са-а-ар

Город был словно соткан из мерцающей темноты удивительной глубины. В неё можно смотреть точно в цветущее спелыми звёздами небо. Но в отличие от неизменного на протяжении тысячелетий рисунка созвездий, здесь огни были живыми. Ни разу их узор не повторился, не обманул ожиданий чуда. Ни разу, как бы Са-а-ар ни желал этого.

Город манил и отталкивал одновременно. Когда дела закончатся, Са-а-ар был уверен, начертание кварталов навеки останется впечатано в его воспоминания и на протяжении очень долгой с точки зрения людей жизни будут приходить в сны, будоражить чем-то похожим на раскаяние. Последняя мысль заставила Са-а-ара замотать головой. Глупости это всё. Город – творение людей, а не его предателей-родичей, скрывшихся за надёжными каменными стенами, за сетью проводов. Родичей, позабывших, откуда они вышли и куда уйдут по окончании земного пути.

Отсюда с холмов прекрасно просматривался восточный пригород – невысокие одно-двухэтажные домики. «Частный сектор», «деревенька» – в представлении горожан. Далее ровными рядами, точно выстроившиеся по линейке, тянулись новостройки, сдобренные убого спланированными, с точки зрения Са-а-ара, скверами и парками. Ближе к центру, куда сходились пути троллейбусных маршрутов, Город снова мельчал, скупчивался «историческим центром»: купеческими домиками, закутанными в реставрационные леса церквями, нелепыми памятниками, невзрачным серым зданием городской администрации и похожим на перевёрнутое ведро строением – цирком.

Город населяли люди и те, кто мастерски ими притворялся. Этим последним Са-а-ар ненавидел. Ненавидел до дрожи в костяшках узловатых пальцев, до алых искорок в глубоких глазах цвета мутно-серых болотных туманов, до холода в вытянутых ступнях, сейчас мало напоминающих человеческие.

Он ещё немного постоял на холме, любясь зажигающимися и гаснущими огнями. «Он живой! – беззвучно изогнулись ниточки губ. – Они оживили его. Они дают ему силу и живут за её счёт».

Са-а-ар знал, как поступить. В своём народе он считался избранным, ибо умел без вреда для себя пользоваться силой Города, не вызывая подозрения тех, ненавистных. Он не пугался круглосуточного света. При его появлении не начинали истерически пищать рамки в супермаркетах и турникеты в офисах. В его руках не разряжались батареи мобильных телефонов на первом часу после полной зарядки. Это было редким и опасным талантом. Пришлось долго доказывать старейшинам, что он не предаст. Зато теперь Са-а-ару, как ещё полтора десяткам воинов, выпала высокая честь стать разведчиком.

К излёту сентября истекли сроки прежних договорённостей. Он обязан всё подготовить к указанному часу. Они, те ненавистные, тоже готовятся, опасаются провокаций. Правильно, бойтесь! Вот только лес пропустил главный ритуал. И четверо человек, назначенных Городом на роль арбитров, вот-вот встретятся, если лес не успеет раньше.

Са-а-ар бросил последний взгляд на сверкающие живые звёзды Города и медленно опустился на четвереньки. Так быстрее, чем пешком. Метёлки высокой травы сами расступились, признавая право лазутчика на беспрепятственный путь. Хорошо бежать, роса ещё не выпала. А травы как пахнут! Мягким теплом растаявшего дня дышит земля – мягкая и плодородная. За

спиной остаются влажные чащи густых лесов. Лесов, к которым вплотную подобрался Город. Некуда уже отступить и незачем. Сентябрь – время поворота года – близко.

Взошла почти округлившаяся луна, расцветившая мир особыми удивительными красками, которые ущербное человеческое зрение уловить не в силах. Не слышат люди и особой мелодии заканчивающегося лета – хрипловатой флейты усталого тёплого ветра; лёгкого пения подземных источников, напивавшихся июльскими дождями, – звонкого, извилистого, насмешливого. Кто, кроме его народа, способен это уловить? Свобода, брызги лунного света на венчиках сомкнувшихся на ночь цветов, идеально настроенные скрипки цикад...

Без приключений добравшись до границы Города, обозначенной сине-белой бензоколонкой, Са-а-ар с сожалением остановился, втянул пахнувший выхлопными газами, человеческим жильём и прирученными садовыми цветами воздух, медленно распрявился. Бежать дальше опасно. Могут заметить. И собак одичавших никто не отменял. Придётся маскироваться.

Вышедшая из-за кустов фигура была уже полностью человеческой – в меру высокой и медлительной. Луна осветила путь до ближайшей остановки. А вот и последний автобус.

Са-а-ар не доехал до центра три остановки, вышел. В кармане брюк звякнули ключи от квартиры. Ага, магазинчик в торце девятиэтажки ещё работает. Можно купить вкусного зелёного чая с мятой и срезать путь через дворы...

Следующий день разведчику пришлось провести за рулём новенькой «Ауди» и молча проклинать миг, когда посреди ночи вздумалось ответить на звонок старшей. Ли-двиг-ру он не без основания считал самой опасной и беспощадной разведчицей лесных, уже пять лет умело маскирующейся под городскую. Её таланты были сродни его, но против опыта и быстроты её реакций Са-а-ар ничего не мог предъявить Владыкам, поэтому часто приходилось довольствоваться ролью шофёра.

Руль поворачивался тяжело, каждый раз приходилось прилагать усилия, точно закручивая тугой вентиль. Но он видел сам – Ли-двиг-ра вращала его лёгким прикосновением ухоженных красивых рук. Значит, зачаровала, специально, чтобы указать Са-а-ару его место: видишь, тебе даже такие пустяки даются с трудом. Так что не вздумай ослушаться – смотри и учись.

Старшая почти не изменилась, придя в мир людей. Тонкая, почти прозрачная кожа, через которую просвечивали голубые дорожки венков на руках и висках. Короткие чёрные волосы мелкими завитками падали на высокий благородный лоб и казались влажными. Чёрные глаза, крупные и холодные, испытывающе смотрели на собеседника. Глаза, понять по которым истинные чувства женщины было невозможно. Летящий шелк её нарядов, духи – аромат роз на пике цветения, низкий властный голос – всё притягивало внимание.

Ли-двиг-ра сидела на переднем сиденье и, прикрыв глаза, слушала. Люди и городские для неё сейчас – колбочки света, сосредоточение силы. Отыскать, почувствовать тех, с кем возможно сотрудничать. Кого следует устранить. Кого отправить на суд к князьям. Каждый отдельный кандидат требует индивидуального подхода – вдруг среди них отыщутся достойные представлять интересы леса. Или даже арбитры городских. А пока достаточно собрать информацию для дальнейшей работы.

К концу дня Город медленно впитывал вечерний полумрак, насыщая чернильным цветом и отраживая тени, чтобы потом растворить их в сиренево-синей темноте ночи. Шум улиц, сдобренный музыкой из кафе, усталые взгляды горожан, смотрящих сквозь встречных прохожих, безразличие конца рабочего дня. Уже закрывались некоторые магазины, но последние солнечные зайчики ещё дробились о лобовое стекло машины, подкарауливая на перекрёстках...

Са-а-ар притормозил на светофоре, улавливая чары спутницы. Она набросила еле уловимый маячок на очередную жертву.

Городские обленились. Они не распознают столь тонкого чародейства, а потом будет поздно...

– Останови у того магазина. У меня закончились сигареты. Вон стоянка, – приказала Лидви-ра и принялась разглядывать свои длинные наманикюренные ногти. На каждом из них крошечными стражками был выложен сложный узор. Са-а-ар давно перестал задаваться вопросом, как человеческие женщины, имея подобные ногти, справляются с работой вообще и с домашними делами в частности.

Лидви-ра взяла с заднего сиденья крошечную сумочку и вышла из авто. С удовольствием потянувшись, точно целый месяц просидела в тесном чемодане между старых тряпок, пересыпанных средством от моли.

– Са, тебе что-нибудь купить? – снизошла она до вопроса, перед тем как захлопнуть дверцу.

Фи, человеческая еда!

– Воды, – подумав, разрешил Са-а-ар, – без газа.

– Сейчас устрой, птенчик, – проворковала она и направилась к магазину.

Это было непостижимо для существа из столь древнего и благородного рода, но Лидви-ра обожала жирную человеческую пищу, курила, затягиваясь тонкими длинными сигаретами. Кажется, ничего другого в её крошечной чёрной сумочке не водилось: десяток-другой денежных купюр и эти вонючие сигареты.

Са-а-ар скушаяще щёлкнул пальцами по плюшевому зайцу, крепящемуся к стеклу на присоске. Заяц закачался, поблескивая ничего не выражающими пластмассовыми глазами. Хотелось поскорее закончить с делами и умчаться домой. На худой конец – заняться собственным заданием, а не катать старшую. Ей-де руки нужны свободные для наложения чар!

Качественно строить из себя человека не получалось. У голубей, задумчиво копошащихся возле чебуречного киоска, и то больше шансов сойти за человека, чем у него. Порой чудилось – любой встречный видит его инаковость и стремится сдать его городским. Особенно чувствительны маленькие дети, даже человеческие, не говоря уже о...

Он вдруг подался вперёд, всматриваясь в толпу. По тротуару, неуклюже прихрамывая из-за новых туфель, шла белокурая девочка-подросток лет тринадцати-четырнадцати на вид. Покачивая головой в такт звучащей в наушниках музыке, даже беззвучно подпевая, она остановилась у чебуречной. Порывшись в карманах оранжевых шортов, принялась пересчитывать скомканные деньги.

Рука Са-а-ара сама потянулась к мобильному телефону. Какое чудо, что в нём есть функция быстрого набора номера.

– Ты где, Ли? – шёпотом спросил он сразу откликнувшуюся старшую. – погоди с минералкой. Тут у чебуречной некто интересный. Кто? Человеческий ребёнок с неплохим потенциалом.

Са-а-ар нажал отбой и прильнул к окну. Девочка уже купила у продавца-грузина пирожок и что-то выспрашивала у него, умудряясь при этом жевать. Усатый грузин, высунувшись из окошка, махал рукой, указывая куда-то в сторону центрального универмага. Са-а-ар не стал прислушиваться к беседе. Его мало привлекали дела людей, если они не затрагивали интересов леса. Он дал информацию Лидви-ре, пусть она разбирается. И пусть теперь только попробует заикнуться, будто он – всего лишь тупой водитель, годный бессловесно крутить баранку.

Вот и старшая – выскочила из-за стеклянных дверей. В руках бутылка минералки и две пачки чипсов. Са-а-ар скривился, но промолчал. Девочка уже покинула чебуречную и шагала к универмагу, улыбаясь лившейся из плеера музыке. Странные эти человеческие подростки: живут в придуманном мире, смотрят кино о выдуманных судьбах, а к собственной реальности прислушиваются сквозь грохочущую мелодию.

Разведчик потыкал пальцем в сторону удаляющейся девочки и опустил стекло машины, принимая покупки. Ли-дви-ра никогда не сделает в точности, как её просят. Вода без газа, зато с лимонным ароматизатором. К тому же тёплая. Лучше напиток из лужи. Но выбора не было – очень хотелось пить. Чуть горчащая жидкость потекла в горло, не доставляя удовольствия.

Завинтив крышечку и раздражённо кинув бутылку на заднее сиденье, Са-а-ар выругался со стоянки. Если старшая вздумает ловить девочку прямо сейчас (у неё наглости хватит), понадобится поддержка. Точно, ловить собралась – запела. Зачем? Есть такие, как он, разведчики.

Са-а-ар обогнал девочку и идущую за ней старшую, отстававшую на два шага. Губы женщины шевелились, пальцы складывались в знаки. Подчиняясь воле Ли-дви-ры, незримые для человеческого зрения стебли протянулись от ловца к жертве, оплели её плечи, заползли между кудрявых волос. Лесная магия – сильная вещь.

«Пора!» – понял он и затормозил, ожидая, пока освободится место на ближайшей стоянке. «Ауди» въехала как раз в промежутки между «Газелью» и джипом и выжидающе замерла, точно хищный зверь в засаде.

Девочка приближалась. Она умудрялась вертеть головой по сторонам, вычитывая названия магазинов и рекламные призывы витрин. Связывающие охотницу и жертву стебли натягивались, и тогда девочка замедляла шаг. Старшая умело вела ребёнка к машине.

Но когда девчонка по всем законам должна была свернуть на стоянку и взяться за ручку заботливо приоткрытой Са-а-аром двери, жертва остановилась, вытащила из нагрудного кармана джинсовой курточки плеер, переключила несколько композиций и зашагала дальше, легко разрывая связующие стебли. Разведчик мог поспорить на что угодно – она даже не заметила этого, ни разу не оглянулась.

Стерпеть подобный провал Ли-дви-ра не могла. Лицо старшей исказилось, кулаки сжались с такой силой, что тщательно маникюренные ногти могли пострадать. Она не отступит, Са-а-ар знал. Ему было приятно, что незнакомая девчонка играючи провела гордую соплеменницу. Но теперь цена способного ребёнка возрастала в разы.

Са-а-ар проследил за разъярённой старшей. Пришлось проехать мимо универсама, подождать за аптекой, куда и направлялась девочка. Та, кстати, вышла из-за белой пластиковой двери уже не хромя – из-под пятки туфель на каблучке торчал кончик лейкопластыря.

Задумавшись на пару секунд, девчонка свернула в переулок. Тут-то Ли-дви-ра не удержалась, окликнула жертву. Что именно она сказала? Скорее всего, спросила дорогу. Главное заговорить, заглянуть жертве в глаза. А дальше...

Дальше девочка нехотя извлекла из левого уха наушник, переспросила и, отрицательно качнув головой в ответ, отвернулась от старшей. Окончательно расстроенная, Ли-дви-ра схватила малолетнее дарование за руку и потянула к притормозившей рядом машине. На безлюдной улице ей никто не помешает. А даже если и не на безлюдной. Люди так устроены, что, если не обратиться к конкретному человеку лично, будут вести себя, словно чужой призыв о помощи их не касается. Не все такие, большинство.

Девочка, вместо того чтобы испугаться и подчиниться, дёрнулась, изо всей силы стукнула острым каблучком туфли по голым пальцам ноги старшей, свободной рукой заехала той под глаз и бросилась бежать. Но не по переулку, а обратно, к перекрёстку, в многолюдный магазин. По дороге она упала, разбив коленку, но быстро поднялась и влетела в едва приоткрывшиеся автоматические стеклянные двери. Это случилось настолько неожиданно, что расслабившийся Са-а-ар не смог помочь Ли-дви-ре.

Та выругалась, потирая ушибленные пальцы.

– Вот мерзавка! – шипела она. – Поймаю тебя...

– Уверена, что быстро отыщешь ту, которая так легко разорвала твои заклинания? – не удержался разведчик.

– Заткнись, Са, – прихрамывая, женщина доковыляла до машины. – Хватит с меня на сегодня и одной шпильки! Я найду её, даже если мне придётся заглянуть в каждое окно этого отвратительного человеческого муравейника!

– Не думаю. С такими лучше не связываться, а доложить князьям.

– Ни за что! – продолжала шипеть Ли-дви-ра. Но Са-а-ар знал – она не преступит закон, покипит и первой побежит докладывать Владыкам о происшествии, ожидая похвалы и поощрения, ведь ребёнок – потенциальный арбитр.

Когда старшая склонилась над своим испорченным маникюром в бессильной попытке его исправить, Са-а-ар позволил себе улыбнуться. Всё-таки хорошо, что неизвестная девочка-подросток указала горячке на её место!

Женя Щукин

В шлёпках на босу ногу Элька ступила в очередную глубокую лужу, как, наверно, утята впервые вступают в озёрную гладь, чтобы научиться плавать. Но девчонка, зайдя в воду по щиколотку, лишь замедлила шаг, с рассеянным удивлением посмотрела под ноги и, не найдя ничего занимательного в мутной жиже, пошлёпала дальше.

Элька только приехала в наш дом и пока не стремилась знакомиться с окрестной ребятнёй. В каком классе она учится – было неясно. Почти на голову выше меня, она казалась младше как минимум на год, и я тогда решил – ей тринадцать.

В тот день она возвращалась с ежедневной прогулки раньше обычного. Закинув объёмную сумку на плечо, она шла явно чем-то расстроенная, наподдавая носком шлёпанца ни в чём не повинную жестяную банку из-под колы. Перед лужей девчонка не рассчитала усилия, и банка улетела слишком далеко. Сворачивать с намеченного пути Эльке оказалось лень, и она с маневренностью асфальтоукладочного катка забрела в лужу, после ночного ливня занимавшую почти четверть детской площадки.

Чудная она, новая соседка. Выгоревшие рыжевато-жёлтые волосы собраны в фонтанчик на макушке. На кофточке, которую моя Анютка непременно назвала бы «выходной», болтаются разноцветные нити бус, на вид слишком тяжёлых, чтобы быть пластиковыми. Точно каменные, позаимствованные у матери. Коричневые бриджи закатаны выше колен. На левой коленке цветёт свежее пятно зелёнки.

Я пропустил Эльку вперёд, спрыгнул со своего наблюдательного поста – детской горки и, засунув руки в карманы, пошёл следом, упорно делая вид, что мне нет дела до Эльки и до всех прочих обитателей двора. Правда, пару раз пришлось выйти из образа, вежливо покивать: «Здрасьте, тётя Даша», «Здрасьте, дядя Арсений», «Привет, Колян!» Но меня с намеченного маршрута не сбить даже новеньким Колькиным скейтбордом. Я жуть как хотел научиться так же лихо скользить по дорожкам и бордюрам, легко подпрыгивать, переворачивать в воздухе скейт, вызывая восторг у всех окрестных девчонок. Но родители были категорически против. И мать, едва заведя мои попытки покататься на чужой доске, очень обидно оттаскала при всех за ухо. Поэтому я усиленно делал вид, что «грубые и опасные развлечения не для воспитанных мальчиков», коим я, несомненно, являлся в маминых глазах.

Элька тем временем дошла до подъезда нашей пятиэтажки, уселась на скамейку, уложив на колени сумку, и принялась в ней рыться.

– Ключ потеряла? – плюхнулся я рядом и принялся болтать ногами. И чего я лезу к долговязой Эльке? Своих дел мало?

Она удивлённо подняла на меня чайно-карие с проблесками зелени глаза, чуть раскосые, очень выразительные, и наморщила нос, отчего пятнышки веснушек поползли друг к другу, стремясь обняться.

– Ты кто? – она тут же поспешно захлопнула сумку и немного отодвинулась.

– Сосед твой из второго подъезда, Женька.

– А-а-а, ясно, – протянула она и задумалась о своём. Рука её продолжала шарить в тёмном нутре сумки. Точно ключи посеяла, теперь боится, что от матери влетит – и за ключи, и за бусы, и за кофточку. У меня на такое нюх ещё похлеще, чем у Анютки.

– Я знаю, ты Элька. Мне про тебя тёть Даша говорила. Вернее не мне, – смутился я, – маме моей.

Она не откликнулась, погружённая в свои мысли. Пришлось её дёрнуть за жёлто-рыжую чуть выющуюся прядь.

– Эй, не висни, как старый компьютер. Я с тобой разговариваю.

– И что? – по-прежнему недружелюбно поинтересовалась она, не глядя в мою сторону.

– Да так, – ещё сильнее смутился я. – Ты в какую школу пойдёшь? В восемнадцатую? Она пожала плечами, нахмурила лоб и с удвоенным усердием зашуршала в сумке.

– Если ключ потеряла, пошли ко мне, – вдруг предложил я, сам удивляясь такому повороту событий. – К нам бабуля из деревни приехала. Блины печёт с кабачками. Выгнала меня гулять, чтобы поджаристые краешки не ошпыывал. А с тобой приду – обоих накормит. Ещё и варенья вишнёвого нальёт. С косточками. Знаешь, как прикольно косточками из варенья плеваться?

Зачем я ей это всё рассказываю? Элька погрузилась, подёргала свой фонтанчик на голове, поправляя ослабевшую резинку, и неожиданно клюнула на мой детский довод, кивнула:

– Веди к бабуле.

Вот так мы и познакомились. В тот день она ничего не рассказала ни мне, ни бабуле моей, которая, как я предполагаю, могла смело вербоваться в любую разведку мира. Бывая у нас в гостях от силы два раза в месяц, она умудрялась оставаться в курсе всех окрестных новостей, точно никуда не уезжала. Но Элька оказалась не поддающимся на провокации партизаном. По её слабо загорелому, несмотря на излёт лета, лицу блуждала загадочная улыбка, точно у нашей исторички Алины Альбертовны в преддверии контрольной.

О, чудо! Моя бабушка сразу принялась опекать Эльку, точно старую знакомую, заинтересованно разглядывая её наряд, вымазанную зелёной коленку, волосы цвета осенней листвы, пышными кудрями разлетевшиеся по плечам. Подливала варенье, что-то рассказывала о своей юности... Эх, её понесло! Ни одна мамина подруга не удостоивалась такой чести! На любые попытки чужого любопытства бабуся моя ошестинивалась противотанковым ежом и не терпящим возражений голосом заявляла, мол, личная жизнь на то и называется личной, чтобы в неё не совались всякие тут... Зато в чужие жизни она лезла с уверенностью судьи и прокурора в одном лице.

Элька кушала, слушала, с любопытством оглядывая кухню – светло-коричневый стол и всякие шкафчики, разлапистое алоэ на широком подоконнике, геометрический рисунок на светло-голубых обоях, светильники-колокольчики на стенах – подарок тёти Даши на папин юбилей... Меня отчего-то насторожил этот взгляд. Уж больно по-хозяйски оглядывалась она. И бабушку это не удивило. А уж чтобы Гертруда Макаровна доверчиво относилась к новым знакомым – такого за всю мою жизнь... да что мою, спорим, даже за мамину не было!

Мне вдруг отчётливо вспомнился случайно... нет, вру, не случайно подслушанный разговор. Я выбирал компьютерные игры в ближайшем от нас музыкальном магазине, как среди стеллажей увидел мою новую соседку с матерью – высокой рыжеволосой женщиной. Та перебирала диски с сериалами, дочь нервно топталась за её спиной, явно чем-то недовольная.

Я присел на корточки и, чувствуя себя не очень порядочным человеком, подкрался поближе. Элькина мать, не отрывая взгляда от коробок с DVD, негромко говорила:

– ...Элеонора, Тара Владленовна здесь тебе чудить не разрешала. Учти это.

– А как ты проверишь, мама? – ещё тише с вызовом в голосе спросила девчонка. – Ты же в своё время отказалась от Дара. И отец, на тебя глядя... – она не договорила, лишь многозначительно посмотрела на мать. Та вздохнула, как-то сразу ссутулившись.

– Думай сама, дочь. С каждым годом ты всё большеходишь на Тару Владленовну, и это меня пугает.

– Меня пугает обратное, мама, – грустно отозвалась Элька.

Нехорошо подслушивать чужие разговоры, но та недосказанность между новыми соседками всколыхнула моё воображение, разбудила интерес. Именно с того самого дня я принялся искать встречи с Элькой. И нашёл на свою голову.

От воспоминаний меня отвлекла дымчато-серая Мисти, Анюткина любимица. С требовательным мявом она потёрлась о бабушкины ноги и без предупреждения запрыгнула к Эльке на колени. Тоже новость. Чтобы Мисти далась чужому в руки? Невиданное дело!

Бабушка наконец-то насторожилась, но быстро расслабилась, словно попав под гипноз гостыи, и до её ухода развлекала нас рассказами о своей послевоенной юности.

Выйдя от нас через два часа, Элька быстро отыскала в сумке ключи и собиралась уже улизнуть, как я задал давно интересующий меня вопрос:

– Откуда ты приехала?

Она склонила голову набок, взглянула из-под кудрявой чёлки и неопределённо протянула:

– Да так, городишко небольшой, глухая провинция. Его даже не на всех картах помечают. Тебе бы не понравилось.

Сказала она это очень взрослым тоном. Видать, мать копирует.

Пока я стоял да ловил мух, Элька сбежала вниз по лестнице, хлопнула дверью подъезда. За моей спиной возникла бабушка и задумчиво произнесла, точно очнувшись от недавнего оцепенения:

– Я ничего о её семье не слышала. Надо порасспросить. Вдруг она...

Бабушка многозначительно замолчала. У неё, как и у мамы, было чёткое разделение всех моих знакомых на хорошую и плохую компанию. И если «хороших» сдержанно терпели и позволяли переступить порог квартиры по большим праздникам, то с «плохими» мне не стоило тратить и минуты на болтовню в местах, хорошо просматривающихся из окон нашей квартиры и квартиры тёти Даши. Дарья Владимировна, мамина двоюродная сестра, всегда казалась мне весьма пакостной особой, вознамерившейся женить своего прыщавого сыночка Родю на нашей Анютке. Причём решение это было принято, как в Средневековье, чуть ли не с рождения Анютки. И мои родители, что самое ужасное, были «за».

Я тщательно запер дверь квартиры и направился в свою комнату. Ага, шпионская сеть оживилась. Бабуся деловито сообщала по телефону:

– ...да, рыженькая такая, независимая. В пятом подъезде живёт. Недавно переехали. Ничего про них не слышала?

Вот так всегда – санитарный контроль. Шпионская программа «ОБС – одна бабуся сказала» запущена. Самое позднее – к завтрашнему полудню моим будет известно об Элькиной семье всё, вплоть до того, в каком возрасте у её мамы выпал первый молочный зуб и как часто её отец в детстве падал с велосипеда. Короче, как любит выражаться наша биологичка: «На какой ветке сидели ваши предки?» Жуть! И это моя семья?

Я прикрыл дверь своей комнаты и привычным движением нажал на кнопку бумбокса, запустив любимый диск «Апокалиптики».

Одна отдушина в этом шпионском заповеднике – Анютка. Она перешла на второй курс исторического факультета местного пединститута (куда, кстати, загнали её родители, не пустившие дочку ни на физмат, ни на информатику – мол, не для девочек «мозги сушить»).

Моя старшая сестра была умной... ну очень умной. Поэтому приличных друзей у неё не было. Все какие-то вялые, «квёлые», как за глаза зовёт их бабуся. Но тоже ОЧЕНЬ умные. Иных «санитарный контроль» в её жизнь не подпускал. Анютка была слишком мягким человеком, чтобы возражать, а потом и сама привыкла.

Будет работать в ближайшей школе, дважды в год – весной и осенью – выводить своих учеников на экскурсии по историческим памятникам нашего замечательного города. Курсе на четвёртом, подчиняясь воле родителей и беспокойной тёти Даши, выскочит замуж за её прыщавого сына (хотя он ей по барабану). Девчонку давно нужно было спасать. Но я не знал как. А тут ещё появилась Элька...

Включив компьютер, я просидел весь вечер перед монитором, запустив игрушку, но так и не притронувшись к клавиатуре. Я думал (впервые в жизни абсолютно серьёзно). Нужно что-то менять у себя в жизни. И у Анюты. Мы выросли слишком удобными для родителей, слишком карманными, точно заводные собачки по повороту ключа киваем головами и послушно

тявкаем, присев на задние лапки. Это не наша жизнь. Это не то, чего мы хотим, к чему стремимся. Я ещё «маленький». Мне едва исполнилось четырнадцать. Зато Анютке восемнадцать. И она вовсе не такая, какой её видят родители и сверстники.

Я слышал, как хлопнула дверь в прихожей. Возвратились отец с сестрой. Уже второе лето она помогает ему на фирме. Тоска.

Ночью мне снились большие парусные корабли, Элька – вождь туземцев на островном архипелаге, и та самая загадочная Тара Владленовна – седая старуха с необычными раскосыми глазами, на которую, по мнению матери Эльки, моя новая знакомая очень походила. Старуха расхаживала по палубе пиратского корабля и, не глядя на карту, планировала путешествие неведомо куда. Над ней хлопали золотистые паруса, на мачтах расправляли длинные хвосты райские птицы, и нестерпимо пахло водорослями и надвигающимся штормом.

А утром Элька обнаружилась на кухне в компании бабушки и Мисти. Гостя всю уплетала сырники с персиком, вежливо выслушивала бабушкины нравоучения. Сдаётся мне, разведка уже сработала, бабушка собрала информацию и записала девчонку в ряды «благонадежных». А я проспал всё занимательное и интересное. У, соня дремучая!

Если так пойдёт и дальше, скоро Элька тут поселится. Я ревниво взглянул на бабуся. Привык быть единственным и любимым. Но дамы великодушно проигнорировали моё недовольство, продолжив беседу. За весь завтрак я не проронил и двух слов.

Поблагодарив бабушку, которую хитрая лазутчица уже не звала иначе, как «уважаемая Гертруда Макаровна», Элька пробралась в мою комнату, забралась с ногами в кресло и бодро поинтересовалась:

– Мне срочно нужен хороший компьютерщик. Знаешь такого?

– Что-то серьёзное с машиной? – уточнил я. Сам я привык решать все компьютерные проблемы самостоятельно. Самое крайнее – звать на помощь школьного информатика – Вячеслава Игоревича, то есть Славку. Невзрачный внешне Славик какое-то время пытался ухаживать за моей Анюткой, пока его, с посылки тётки Даши, не сочли неблагонадежным и легко не выставили за дверь. Зато я его, одного из немногих, мог назвать своим другом.

Элька не поняла вопроса. «Машиной» компьютер звал исключительно Славик, и я вслед за ним.

– Что с компом? – пришлось уточнить.

– Нужно, – исчерпывающе ответила девчонка, но потом решила пояснить, – программист знающий нужен. Для дела. Всё законно, ты не подумай.

Она поёрзала в кресле и принялась озираться. Её не впечатлила ни моя техника, ни подборка дисков музыки и игр, которой я искренне гордился, ни новенькие постеры любимых групп на стенах.

– Элька, – я решил всё выяснить для себя, – мы с тобой и суток незнакомы, а ты уже что-то от меня требуешь. Не хочешь ничего о себе рассказать? Я же о тебе ничего не знаю.

– Так и ничего? – в чуть раскосых глазах вспыхнули зелёные искры. – А две недели за мной следил кто? Знаешь, что я могу сделать в отместку за такое?

Мои уши и щёки словно ошпарили кипятком. Она всё видела. И молчала...

– Но ты не расстраивайся, – малолетняя шантажистка небрежно махнула рукой. – Я из тебя быстро настоящего шпиона сделаю. Если слушаться во всём будешь. Готов превзойти Джеймса Бонда и Людей-в-чёрном?

– Элеонора, – я пододвинул к креслу свой стул и посмотрел ей в лицо, – ты можешь насочинять и рассказывать про меня в школе что угодно. Кому поверят, знаешь? Уж не тебе, только что приехавшей. А новеньких у нас в школе обычно дразнят. Это в лучшем случае. А без покровителя тебе не обойтись.

Хотя я всё сказал правильно, Элька только обидно ухмыльнулась:

– Я бы так уверена не была, Евгений Шукин. Шука, так? – И когда она разузнала? – Мы же, кажется, дружить собирались? Твои ещё не записали меня в число разрешённых друзей? Но это поправимо, правда?

Я окончательно растерялся. Откуда ей знать?

– Женя, – Элька подалась вперёд, – тебе сколько лет? Четыре годика или четырнадцать? Разреши себе чуть больше самостоятельности. Признайся, тебе жуть как хочется приключений. Так я тебе их обеспечу, без проблем. Главное, не лови ворон. А то в рот залетят, не успеешь глазом моргнуть.

Она соскочила с кресла и вышла из комнаты. А я вдруг почувствовал во рту нечто жёсткое, плоское и колючее. Выплюнул. Ужас! Маленькое чёрное перо. Воронье...

– Элька, стой!

Я поймал её уже на лестничной площадке, схватил за локоть, развернул к себе и сунул под нос перо.

– Что это?

– Я же сказала, будешь отвлекаться на чепуху – ворона в рот залетит. Пока воронёнок попался, – спокойно глядя на меня, заявила эта нахалка.

Я вздохнул поглубже, медленно выдохнул и задал, наверно, самый правильный вопрос с момента нашего знакомства:

– Зачем тебе я?

Элька задумалась на мгновение, кивнула своим мыслям, встряхнула жёлтыми с рыжиной кудрями и быстро заговорила:

– Мне нужен помощник, сообщник, единомышленник. Я не просто так оказалась в твоём городе. Родители уверены – это их решение. А я считаю – тут задумка моей бабки. Она у меня... это, если честно, государственная тайна, но тебе я скажу, – зашептала она, – она у меня исследует экстрасенсов и сама экстрасенс. Чародейка, проще говоря. Очень сильная. Уверена, сильнейшая в мире. Она руководит одной из секретных лабораторий и выполняет прямые распоряжения президента.

Большей глупости я ещё не слышал. Я не сдержался, расхохотался в ответ на это детское бахвальство, достойное разве что детсадовки, но не взрослой девчонки.

– Дурак! – нахмурилась она. – Ты даже представить себе не можешь, на что способна Тара Тихонова. А вот я могу. Пока мать с отцом, а он у меня лётчик, мыкалась по военным гарнизонам на Севере, по квартирам без водопровода и канализации, я два года жила в Москве у Тары. Я такого насмотрелась, что вся современная фантастика комариным чихом покажется. Я себе даже кое-какую литературу с её компа свистнула. Ту самую, по которой она готовит своих колдунов. Теперь мне нужна помощь.

Я выслушал этот дикий бред и пожал плечами. Случай не смертельный. У нас в классе есть гот и три ролевика, которые всерьёз считают себя эльфами и гномом, обучаются бою на деревянных мечах и стрельбе из лука. Я не то чтобы не любил творения Толкиена и компании. Просто считал столь глубокое погружение глупым. И даже если бы захотел сходить ради любопытства на сборища ролевиков, родители меня бы всё равно не поняли, не пустили.

Я потёр переносицу, прислушиваясь к своим ощущениям, и признался себе – мне действительно хочется приключений. Пусть не детской мечты о кругосветке, которую я задвинул подальше на антресоли памяти, засыпав множеством мелких желаний. Я хотел каких угодно, любых необычных событий.

– Хорошо, Эля, давай попробуем. Я отведу тебя к Славику. Он в компьютерах – бог. И вообще – добрейший человек.

– Давно пора, – просияла Элька. – Сегодня же.

Мы вернулись в квартиру, я набрал номер учителя информатики.

– Вячеслав Игоревич, у моей знакомой с компьютером проблемы. Вы можете? Я сейчас ей трубку дам...

Через минуту довольная Элька уже взахлёб рассказывала о каком-то архиве, который необходимо взломать. А я маялся нехорошими предчувствиями – во что меня втягивают? Знал бы я тогда, чем всё закончится...

Со Славиком мы договорились встретиться в школе, где он приводил к рабочему виду компьютерный класс. До первого сентября оставалось всего ничего.

Перед этим пришлось заскочить за Элькиным ноутбуком в её квартиру. Вернее заскочила Эля, а я простоял на пороге, морщась от невыносимого запаха краски и любуясь видом завешанной целлофаном мебели. Прыгая по газетам, зашлёпанным штукатуркой, Элеонора вынырнула из благоухающей ароматами ремонта квартиры и вручила мне ноутбук.

– Я готова. Веди. Заодно и школу посмотрю.

Я не стал возражать. А в душе порадовался – всё-таки она в восемнадцатой учиться будет. Не в лицее, считавшемся гораздо более престижным, но неподъёмно дорогим для моей семьи.

Школа находилась через три квартала и была хоть и старенькой (в ней ещё мои родители учились), но после капитального ремонта могла поспорничать даже с престижным лицеем. Четыре этажа, пристроенный лягушатник, гордо поименованный бассейном, комбинат питания, куда гоняли обедать старшие классы. Всё цивилизованно.

Цветы на газонах перед входом, заботливо выращенные девчонками во время летней практики, уже облетели. Остриженные ёжиком кусты, наоборот, начали отрастать, расправлять свежие зелёные веточки. На спортивной площадке курили малолетки. На стекле парадной двери вывесили листик с надписью: «Парадная линейка 1 сентября состоится в 9.30. Занятия у второй смены перенесены на первую. Начало в 10.30». Как не хочется, чтобы лето заканчивалось!

Компьютерный класс располагался на втором этаже, о чём напоминали зарешёченные окна. Я поздоровался с вахтёршей, бабой Олей, и повёл свою соседку наверх. В школу, по просьбе Славика, я мог приходить в любое время (главное, чтобы Славик был там), так что вопросов не возникло.

Искоса я наблюдал за реакцией Эльки. Её не впечатлили ни облицованные пластиком стены, ни такие же пластиковые цветы в горшках (живые у нас не растут – либо вырвут, либо зальют), ни сделанная под мрамор широкая лестница. Первой схватившись за ручку железной двери класса, Элеонора распахнула её без стука и вошла внутрь.

Вдоль стен, отделанных выкрашенным в бледно-зелёный цвет гипсокартоном, протянулись компьютерные столики. Ряд парт посередине и почти новый экран для проектора, уже пестревший замазанными корректором личными посланиями учеников, дополняли картину. Оживляли обстановку только настоящие цветы на окнах (только здесь и в кабинете иностранного – больше нигде в школе).

Из-за двери подсобки лился синеватый свет, слышался звук голосов. Славик там. Кино смотрит или беседует с кем-то. Разговор шел негромкий, но напряжённый. Элька прижала палец к губам и шагнула к двери. Я, чувствуя себя очень неуютно, не стал мешать ей. Слов было почти не разобрать. Разве что фразу информатика:

– ...мирный договор будет подписан на сто лет и без моего участия. Я пасс. Не буду, и не проси!

Что-то хлопнуло, замигал свет. Я напрягся, воображая не очень хорошую развязку разговора. Но Элька, в первый момент выглядевшая испуганной, воспряла духом. Она как ни в чём не бывало распахнула дверь подсобки и милейшим голосом объявила:

– Добрый день, Вячеслав Не-помню-как-вас-по-отчеству. Мы пришли по поводу компьютера.

В узком, заставленном старой техникой помещении информатик был один. И выглядел взъерошенным, напуганным. Пару секунд он, не мигая, глядел на нас безумными глазами, потом взял себя в руки и хрипло произнёс:

– З-заходите. И не надо отчеств. П-просто Слава.

Элька улыбнулась, забрала из моих рук ноутбук, расчехлила сумку, блеснув красным корпусом, подняла крышку, включила питание и принялась ждать загрузку.

– В чём п-проблемы, я так и не п-понял из раз-зговора. – Славик зазвенел стаканами, включил чайник, зашелестел обёрткой кексов.

Что или кто его так встревожило? Я готов был поклясться, моя спутница поняла из происходящего не в пример больше. Вон с еле уловимой усмешкой наблюдает за пытающимся успокоиться учителем. Худощавый, высокий, в джинсовом костюме, в бейсболке, которую он не снимал даже в помещении, с тусклыми русыми волосами, у меня он ассоциировался с мышонком-переростком, удивительно добрым и мягким по характеру. Как раз таким, как Анютка.

Элька дождалась, пока ей подадут зелёный чай с бергамотом и шоколадный кекс, и только тогда сообщила:

– У меня на компьютере чисто случайно оказался архив, который я не могу открыть. Это очень важно. Очень. Помогите, а? Женька о тебе отзывался как о первоклассном мастере.

Как она угадала, что из Славки после похвалы можно верёвки вить? Тем более сейчас, когда он, побеседовав по громкой связи мобильного (как ещё объяснить недавние события), нуждался в успокаивающей монотонной работе.

Учитель нацепил на нос специальные затемнённые компьютерные очки, склонился над монитором. Я не стал ему мешать. Всё равно так, как он, я не научусь. Для этого нужно технический вуз закончить и в аспирантуру поступить. Зачем расстраиваться? Эля тоже ждала: присев на тумбочку справа, следила за действиями Славика.

– Т-Такие архивы с-сложно взломать. Оно тебе д-действительно надо, д-девочка? – поинтересовался он минут через десять.

– Очень! – с чувством отозвалась Эля. – У тебя получится?

– Не уверен. Но п-попробую. Всё з-зависит от п-пароля.

Далее он забормотал нечто непонятное на своём компьютерном языке, завозился, устанавливая специализированное программное обеспечение. Всё ещё волнуется, раз заикается. Элька неотрывно следила за его действиями, а я, чтобы не скучать, отправился в класс, включил компьютер и принялся лазить по Интернету.

Часа через два мне это надоело. Я заглянул в подсобку. Учитель и Эля сидели и, словно замороженные, следили за мигающим экраном. Мне отсвечивала лампа, синеватым светом искажая картинку на мониторе. Это меня и спасло. Я пихнул в плечо Эльку, окликнул Славика. Девчонка очнулась первой, с шумом захлопнула крышку ноута и чертыхнулась.

– Я так и знала, она примет меры предосторожности! И попалась на её шутку.

Рядом растерянно тёр глаза Славик, пытаясь прийти в себя.

– Голова к-кружится, – пожаловался он. – И п-перед глазами цветные м-мушки.

– Это ещё что. Я слышала, хакеры сутками вот так просиживали у монитора, пока не умирали от истощения, – страшным голосом добавила Элька. – Психотехнологии это называются. Женька, – наклонилась она ко мне, – вот этим и занимается моя бабуля.

Она уже пришла в себя. А вот Славика было худо. Пришлось его проводить до туалета, где беднягу вывернуло наизнанку. Утренние предчувствия оформились в чувство угрозы. Какими ужасами занимается Элькина бабка, что взрослому человеку так поплохело?

– Давай ещё включим. Второй раз она не запустится, – предложила Элька.

Учитель в ответ только застонал, потянулся за чашкой и жадно выпил остатки чая.

– Не бойся, если что, мы с Женькой подстрахуем, – настаивала соседка. – Нужно только отключить автозапуск и удалить программку. Ты уже всё сделал, только удали. Пожалуйста-а-а!

Славик сдался. Ему очень не хотелось связываться с опасной особой и её ещё более опасным красным ноутбуком, но Элька упорствовала. Я уже понял – она получает всё, что пожелает. Преград она просто не видит, идёт напролом, не считаясь с другими.

Ещё полчаса, и архив был взломан окончательно. Учитель нервно вытирал со лба пот, а Элька пролистывала длинный список текстовых документов и довольно прицокивала языком.

– Ребята, это фантастика! Я вам обоим обязана.

Во избежание неудобных вопросов она отключила ноут и потащила меня на улицу. Размечталась, так я тебе и дам отмолчаться!

– Эля, что там за информация? Где ты её стащила? И что нам за это может быть?

– Ничего, – беспечно отозвалась наглая девчонка. – Не смертельно. Бабуся мечтает сделать из меня подобие себя любимой – пусть привыкает. В Интернет я её государственные тайны выкладывать не собираюсь. Но сама изучу. Может, с тобой поделюсь. Не всем, не обольщайся. Но кое-что полезное и безопасное подкину.

– Эля, лучше не надо, – отмахнулся я от её щедрости.

– Струсил, да? Запомни, ты должен за то, что следил за мной. Вот теперь расплачивайся.

Я замолчал. Сказать было нечего. Я вдруг вспомнил о забытом дома мобильнике. Спорим на что угодно: мать меня обыскалась. Обзвонила всех знакомых, подняла на уши родню. Имея перед глазами пример соседа – моего ровесника, к которому участковый ходил чуть ли не каждый день, мать была уверена – без должного контроля я попаду в плохую компанию. И требовала всё время быть на связи.

– Эля, пойду я, – пробормотал я, едва мы подошли к дому. – Завтра увидимся.

– Ага, – рассеянно пробормотала она, принимая из моих рук сумку с ноутбуком. – погоди, – она очнулась от раздумий. – Держи, – в мою ладонь легла флешка. – Я скопировала базу на всякий случай. Попробуй сам разобраться. Только смотри, никому не показывай. На комп не копируй. К Интернету, пока изучаешь, не подключайся.

– Зачем мне это? – искренне удивился я.

– Одной как-то не очень интересно, – ответила Элька. И я понял – она сама струсила, перепугалась, что влезла куда не следует.

Я встал со скамейки и направился к своему подъезду.

– Женя, – окликнула меня Эля. – А твой Славик – не человек. И он вовсе не такой безобидный, как ты думаешь.

Я отвернулся и пошёл домой. Предстояло ещё объясняться с мамой и бабушкой. Ладонь жгла флешка. Хватит с меня на сегодня тайн.

* * *

Дома было тихо. Лучше того: бабушка только что вернулась от подруги и, переполненная новыми впечатлениями и новостями, спешила их излить маме по телефону. Выходит, обо мне сегодня не вспоминали. Я разглядел две вместительные сумки (сейчас уже пустые), стоявшие на тумбочке в прихожей. Бабушка возвращается в деревню. Свобода!

Три года назад Гертруда Макаровна заявила, что городская жизнь не для неё, следует быть ближе к природе, кушать свежие овощи без удобрений. Она разменяла свою «двушку» и переехала в пригород, где поселилась во вполне приличном домике, завела кроликов и кур. Теперь соскучилась по хозяйству, возвращается...

Я на цыпочках пробрался в свою комнату и обнаружил за компьютером Анютку. Что девчонки находят в раскладывании пасьянса и скачивании схем вышивки героев японских анимэ – не понимаю. Анютка понимала. И вышивала. Пока прогружались схемы, она тягала карты курсором мышки.

Я вежливо кашлянул. Черноволосая голова повернулась в мою сторону. Из-под густой чёлки блеснули серые глаза. Ещё «штукатурку» не смыла. Но это сестру не портит, наоборот, делает ярче, «эффектней», как пишут в журналах. Невысокая, хрупкая, тихая, послушная... Тяжело ей будет в школе. Особенно если класс вроде нашего попадётся. Не выдержит.

– Женька, привет! Я сейчас.

Я кивнул, спрятал флешку и поплёлся на кухню ужинать. Думать о прошедшем дне не получалось. Слишком много событий. До Элькиного архива я добрался около полуночи, когда семья посмотрела вечерний сериал про справедливых стражей порядка и легла спать. Начинаясь моё время. Искренне сочувствую тем, кто делит комнаты с сёстрами-братьями. А ещё хуже – ютится в однокомнатной вместе со взрослыми. Никакой свободы у людей...

Я не стал копировать файлы на компьютер, как и предупреждала Эля, а принялся просматривать их по одному. М-да, туго. Ещё хуже, чем я предполагал. Во всей писанине я разобрал только предлоги и междометия. Остальное – сплошь непонятные термины, набранные вполне привычными русскими буквами. Если и встречались знакомые слова, толку от них было мало.

В некоторых файлах попадалась и вовсе экзотическая письменность. Вставленные картинкой (подобных шрифтов создателям компьютера в страшном сне не пригрезилось) тексты змеились неким подобием арабской вязи, ломкими палочками выстраивались в рунические послания, словно фигурки детского конструктора собирались в иероглифы. Какой Эльке прок от этого?

В заумной шелухе мне попалось лишь десяток вполне читабельных файлов. Я скопировал их в отдельную папку и задумался. Эля свято верит в магию и всесильность своей бабули. Чтобы разубедить девчонку, следует доказать ей, что внушительная база данных, которую она сегодня взламывала при помощи Славика, – всего лишь собрание фольклора и древних верований. Бабуля её ничем не отличается от моих одноклассников-ролевиков. Балует старинкой, над внучкой подшутила, а Элька поверила. Это то же самое, что верить в Деда Мороза или Человека-паука.

Просмотрев отобранные файлы, я выбрал один, самый прикольный – вызов духа-защитника. Несложный, приготовлений особых не требующий. Как раз луна полная... Меня разобрал нездоровый азарт. Не верил я в магию. В фокусы верил. У самого на компьютере лежало гигов пятнадцать видео с выступлениями Копперфильда. Скачивал по просьбе Анютки, а потом и сам с удовольствием смотрел.

Уже представляя, как завтра буду во всех красках расписывать свой магический облом, на цыпочках я пробрался на кухню, вытянул из буфета прозрачную салатницу, набрал в неё холодной воды из-под крана. Вынул из графина цепочку с серебряной монеткой (мама считала, что серебро обеззараживает воду). Держись, Элька, сейчас буду колдовать!

Возвратившись в комнату, я отдернул штору, составил на пол разросшуюся драцену и водрузил на её место салатницу так, чтобы свет почти круглой луны озарял воду целиком. Что там дальше? Ага, кинуть на дно посуды цепочку с монетой и подождать двадцать минут, пока вода «зарядится».

Сверившись с файлом, я задумался – требуется придумать имя духу. Имя... Валять дурака нужно по полной. Для чистоты эксперимента, как пишут в умных книгах. Поэтому я полез в папку со скачанными из Интернета любовными романами (не мной скачанными, Анюткой). Открыл первый попавшийся файл, пролистал, отыскал чьё-то имя. Сойдёт. Глаза пробежали по паре абзацев. Как сестра такое читает? Любовь – сю-сю-сю.

Свернув файл, я подошёл к салатнице, уселся на стул, поджав под себя ногу, прикрыл глаза, представляя, как должен выглядеть защитник. Самого разбирал смех. Никого, кроме японского воина-ниндзя с острой катаной, на ум не приходило. Всё, Анюткины мультфильмы

больше ни одним глазом. В голове роились образы из последних фэнтези-фильмов и книг. Ничего определённого из них не лепилось.

«Женька, ты слишком серьёзно к этой девчоночьей дури относишься!» – сказал я себе. И тут же возразил: «Зато завтра будет отличный повод посмеяться над Элькой!»

Ба, пересидел! Я отодвинул в сторону часы, задержал взгляд на кругляше луны и шепнул: «Дух-защитник, я призываю тебя в материальный мир и даю имя Валентин». После чего сунул лицо в салатницу. Вода брызнула во все стороны, неприятно холодя кожу. По спине пробежали мурашки. Я досчитал до десяти и открыл глаза, узрев перед носом монету. Надеюсь, я в ней отразился... «Ва-лен-тин», – прошептал я в воде. Получилось «Ба-бу-бын».

Всё! Провёл «магический» ритуал. Завтра отчитаюсь перед Элькой, посмеюсь над ней. Я вытер лицо рукавом, вылил остатки воды в цветочный горшок, прибрал за собой. Неужели есть на свете взрослые люди, которые всерьёз этим занимаются?

Ура, я никого не разбудил. Домашние смотрят третий сон. За стеной звякнул лифт, развозя припозднившихся жильцов. Наверху скандалят соседи. Всё как всегда.

Я выключил комп, переоделся и собрался ложиться, как шевеление у дверей отвлекло меня. Медленно, очень медленно я повернул голову, уверенный – это Мисти вздумала погреться на кровати. Да так и замер.

Воздух сгущался, клубился тьмой, мерцал прохладой весеннего вечера, дышал сиренью и мелиссой, звенел отголосками дальнего хорового пения. Ночь словно раздёрнула в разные стороны тяжёлый бархатный занавес, впуская в мою комнату нечто... Непостижимое, невероятное существо, невозможное под закопчённым небом нашего города. Существо, которого я даже не смог как следует испугаться.

Воин... Несомненно воин в сияющем доспехе. Так сияет закатное солнце на куполах соборов. Из-под винторогого шлема волнами звёздной ночи развевались чёрные волосы, подчёркивая бледность узкого лица. Лицо светилось лунным светом, озарялось всполохами далёких битв. И глаза – нечеловеческие, синими кострами горели на нём. Воин повернул голову, осматриваясь. Краешком сознания я отметил – профиль его сделал бы честь любому из самых именитых римских императоров.

Тонкие губы незнакомца презрительно изогнулись. Воин взмахнул рукой, и... В ней появился меч – длинный, пылающий. Прямо джедайский. И тут я перепугался по-настоящему.

– А-а-а! – попытался закричать я. Горло выдало только сипение больного с сильно запущенной ангиной. – По-помогите! – беспомощно прошептал я.

Незнакомец медленно повернулся вокруг своей оси, держа меч в вытянутой руке, и ухмыльнулся.

– Так! – прозвенел его голос. Прозвенел и заполнил собой всю квартиру, не оставив мне шанса даже на беспомощный всхлип. – Вызвал! Не верил! Глумился! Убедился, что Запретное рядом – только позови?

– Кх... Кхт... – Я понял – пробил мой последний час.

– Кто я? Ты дал мне имя из своего мира, смертный. Ты наделил меня телом, позволил ощущать людские переживания. И ты спрашиваешь, кто я?

Он вдруг увеличился, уткнулся рогатым шлемом в потолок... Именно эта его бравада спугнула чары. Подобное я не раз видел в кино. Вот гад, да он же забавляется! Он откровенно забавляется, пока я тут умираю со страха!

– Я твой повелитель! Слушай и повинуйся! – срывающимся шёпотом заявил я, комкая вспотевшими руками покрывало.

– Щас, уже!

Чудище под потолком ссутулилось, ссохлось до нормального человеческого размера, преобразовало слепящий глаза доспех в тёмно-фиолетовый костюм цвета потерянных надежд. На ногах вместо сандалий заблестели чёрные лаковые туфли. Меч обернулся тростью с изогнутой

рукоятью. Шлем – шляпой. Как раз такие носили во времена Пушкина – по учебнику литературы помню.

– Давно я в вашем мире не был. Развились вы, посмотрю, – он бесцеремонно отодвинул стул, уселся (дерево под ним жалобно заскрипело). Валентин поочередно прикоснулся тростью ко всем вещам на столе, хмыкнул, включил компьютер и виртуозно установил соединение с Интернетом, как будто всю жизнь только этим и занимался. – Ты спи, вызывальщик. Нам с тобой завтра разбираться. После твоего ритуала я здесь конкретно застрял. Не сбежать.

И я подчинился. Веки сами собой сомкнулись, и я провалился в очень глубокий сон без сновидений.

Разбудила меня мама.

– Женя, – теребила она меня за плечо. – Женя, суп на плите. Гречка в холодильнике. Можешь сегодня ничего не готовить. Аня после обеда вернётся. Хватит ей работать. Пусть перед учёбой отдохнёт.

Я сонно покивал. И только когда мама вышла, вспомнил о Валентине. «Приснился!» – с облегчением подумал я и услышал тихий смешок:

– Я посмотрю, ты паинька.

Я подскочил на кровати. Защитник сидел там же, где и вчера – за компьютером, незамеченный мамой. Но, к сожалению, видимый мне. Что я наделал?! Для чего мне он? Срочно отыскать ритуал или заклинание освобождения духа.

– Знаешь, малыш, мне тут нравится. Я даже благодарен тебе за вызов, – разочаровало меня это чудо.

Вот влип! Стоило послушаться девчонку, связаться с её тайнами. И броситься их проверять! Что ещё мне на голову свалится? Вампиры?оборотни?инопланетяне? Чем ещё пестрит современное развлекательное чтиво и Интернет? Я озирался по сторонам в поисках подсказок. Спихнуть бы Валентина Эльке, пусть у неё мозги закипают.

– Женька, пока, – заглянула ко мне сестра. Естественно, не заметила Валентина. Что, если Эля его не разглядит? Что мне тогда делать?

– Ей надо было показываться? – с любопытством уставился на закрывшуюся дверь Валентин.

– Ни в коем случае! – рявкнул я.

Ишь, сидит, изучает! Глазищи хитрющие!

– Вызывальщик, – не унимался защитник, не прекращая рыться в Интернете, – давай обеспечивай меня пропитанием. Я голоден!

– Что ты там ищешь? – Я встал и прошлёпал к шкафу, выбирая, что бы надеть. Мать, как всегда, утащила в стирку футболку с шортами.

– Как что? Изучаю возможные опасности. На сегодняшний день из всех грозящих опасностей наиболее важными являются: попадание под машину – 2 процента, отравление пищей – 7 процентов, нападение разбойников – 4 процента, электрическое замыкание – один процент...

– Прямо урок гражданской обороны, – не выдержал я. – Мальчик, не суй в розетку палец...

– Это только самые вероятные события, – с явным удовольствием отозвалось моё наказание. – Есть ещё опасность падения метеорита, начала атомной войны, возникновения эпидемии, цунами...

– Где ты море видишь? – похоже, мне грозит погибнуть от занудства собственного защитника.

– Я должен учитывать все возможные варианты, – принялся раскачиваться на стуле мой мучитель. – И знаешь, вызывальщик, я догадался, почему ты меня вызвал. Опасности тебе большой не грозит. Поэтому я должен для тебя поработить мир.

Я громко захлопнул дверцы шкафа и уставился на него. Вот тупость непроходимая!

– Зачем?

– Ты же меня зачем-то вызвал, – принялся объяснять он. – 70 процентов вызывателей хотят власти. 25 процентов – денег, что тоже власть. Ещё четыре целых девять десятых процента – чисто для прикола всякую дрань иномирную поглядеть (учти, малыш, тут я очень злюсь и разрываю на части посмевших нарушить мой покой). И только одна десятая процента вызывателей действуют из научного интереса. Это, мой смертный друг, статистика – наука, которая все явления, происходящие в мире, выражает в цифрах. Не сталкивался с такой? Очень полезная вещь, советую.

Он перестал раскачиваться на стуле, наклонился ко мне, отчего стал похож на готового к прыжку зверя.

– Ты не относишь себя к пустоголовым любопытникам? Ведь так? Не признаёшься, что сам – малолетний пустоголовый зазнайка?

Я отрицательно замотал головой. За ложный вызов он обещал разорвать на части... Участь превратиться в конструктор «собери сам» меня не впечатляла.

– Тогда я смею предположить – ты ищешь власти, малолетний гордец. И на меньшее, чем завоевание мира, ты не согласен. Так?

Я снова мотнул головой.

– Мне было интересно, – пролепетал я.

– А-а-а, учёный, – в предвкушении потёр руки мой мучитель. – И что же ты изучаешь?

– Я...

А с чего я перед ним отчитываюсь? В конце концов, я сам его вызвал!

– Да ну тебя!

Я сграбастал одежду и пошлёпал в ванную. Дожили, я веду беседы с привидением, которое никто, кроме меня, не видит.

Валентин как ни в чём не бывало притащился за мной на кухню, отпуская едкие замечания по поводу обустройства помещения и качества продуктов, принялся накладывать себе еды. Я сжимал зубы и молчал, терпел. Элька, если ты не поможешь, я пропал. Я готов сдаваться в плен твоей бабуле, лишь бы избавиться от этого...

Гадкий тип за столом напротив наслаждался моей паникой. Уверен, он питается эмоциями так же, как и шоколадным молоком вприкуску с вафельным тортом. Как и половиной содержимого холодильника, которое он умял за один присест. А сейчас хищно озирается, что бы ещё слопать. Проще убить, чем прокормить! У-у-у, сидит, улыбается. Шляпу свою доисторическую рядом положил, трость к столу приставил. Хорошо хоть сегодня он не такой чудной, как вчера, на нормального человека похож. Лицом – чуть старше моей Анютки будет.

– Сейчас к Эльке пойдём. Она придумает, как тебя обратно отправить, – сообщил я ему.

Защитник только ухмыльнулся. Я почувствовал, как свирепею. В конце концов, он вроде джинна, Хоттабыча – подчиняться обязан. А он что себе позволяет?!

Дзинькнул звонок. Я нехотя поплёлся открывать. У дверей задержался. Отчего я так злюсь? Он защищать меня обязан, а не тапочки в зубах приносить. Смертельной опасности поблизости не наблюдается. Вот он и потешается над горе-волшебником.

Я открыл дверь и впустил Эльку.

– Привет. Кислый ты сегодня, – заметила она.

Я не ответил, прошмыгнул на кухню. Эля за мной. Естественно, защитника не разглядела. Плохо дело.

– Эля, – начал я осторожно, – ты что-нибудь тут видишь? – Я ткнул пальцем в ухмыляющегося Валентина. Девчонка мотнула головой.

– А должна? – растерялась она.

Валентин покатывался со смеха. Даже молоко расплескал. Молоко Эля разглядела, уставилась расширившимися от удивления глазами на взлетевший над столом и раскачивающийся

в воздухе полный стакан. А Валентин продолжал хохотать, откинувшись на спинку стула. Я не выдержал, схватил из вазочки на столе конфету и бросил в смехуна. Тот и не думал обижаться. Поймал сладкий снаряд на лету и запустил в меня. В отличие от защитника, я похвастаться подобной ловкостью не смог. Конфета стукнулась о мой лоб и плюхнулась на пол.

– Женья, у тебя барабашка завёлся? – опасливо поинтересовалась Эля.

Совсем здорово! Она даже не чувствует вызванную мной нечисть.

– Ага, из твоей базы, между прочим, – не сводя глаз с Валентина, пробормотал я. – Вызвал на свою голову.

– Вызвал? Как? Зачем? – испуганно пробормотала она.

– Ты сама сказала – помоги разобраться. К тому же, – мне было стыдно, но я признался, – я хотел тебе доказать, что магии не существует. Как учёный, эксперимент ставил...

– Учёный – в киселе мочёный! – обругала меня потрясённая Элька. К счастью, она не видела лица моего защитника, чтоб ему пусто было.

– Бабушкин номер есть? Пора позвонить и во всём признаться, – решился я.

– Не выйдет, – упавшим голосом пробормотала девчонка. – Тара Владленовна в Южной Америке на конгрессе психологов. Потом летит в Китай. У неё с тибетскими ламами встреча. Потом... Женька, её больше месяца не будет в России.

– Э-э-э, – оживился мой мучитель, – кто, простите, бабуля?

Он стал видимым, ибо Элька вскрикнула и попятилась к двери.

– Профессор психологии при...

– Неверный ответ. Как звать? – Валентин поставил стакан возле вазочки, сложил руки на столе, точно первоклассник, и уставился на нас льдисто-синими глазами.

– Тара Владленовна Тихонова, – медленно произнесла Эля.

– Дети, я почти вас люблю! – признался нам защитник. – Неужто ты потомок Тары?

– Вы знаете мою бабушку? – голос Эльки постепенно обретал былую уверенность. – Вы встречались?

– К моему прискорбию, ДА!

Валентин сокрушённо развёл руками и продолжал:

– Давно. На заре её юности. Очень давно. Но даже если бы не встречался... Нет в Запредельном существа, не знающего твоей родственницы, ребёнка.

Я поёжился. Уж если этот воин, неведомо-откуда-прибывший, знает об Элькиной бабуле, кто она такая?

– Она исследует духов, – осторожно произнесла девочка, обращаясь ко мне, – и людей с необычными способностями, я уже говорила.

Валентин промолчал. Я не увидел, как он встал из-за стола. Только что сидел, пил шоколадное молоко, а сейчас вот он – рядом, вглядывается в лицо моей соседки.

– Дети, пожалуй, я поработаю с вами. Не подумайте, не под действием ритуала, который ты, – его длинный тонкий палец уткнулся мне в грудь, – провёл отвратительно с уймой ошибок. А просто так. Интересно с вами. Да и сбежать, к сожалению, я пока не смогу, – добавил он чуть тише.

Так у меня появился личный защитник. Два дня, оставшихся до учёбы, он вёл себя тихо: таскался за мной и Элькой, невидимый для остальных; ночами напролёт просиживал в Интернете, изучая наш мир; почти всё время молчал, не желая рассказывать о своей родине. Я к нему даже привык.

По закону подлости 1 сентября выдался дождливым. Торжественную линейку перенесли в актовЫй зал, где директриса – полноватая крашеная блондинка с визгливым голосом – долго и занудно вещала о важности знаний в нашей и без того перегруженной событиями жизни. Увязавшийся за мной защитник задумчиво бродил между рядов, вполголоса комментировал

происходящее (его слышали только мы с Элькой). Но в целом скучал. Меня порадовало только то, что Элька оказалась моей ровесницей и попала в один со мной класс – 9 «А».

Странно учиться первого сентября, когда обычно идут гулять. Но ливень за окном лишил нас последних аргументов. Пришлось расползаться по классам по расписанию. Нас принял кабинет географии, пахнувший пыльными картами, свежей краской и хлоркой, но вовсе не дальними странами и чудесными приключениями, как мне когда-то мечталось.

Девятый класс – выпускной. Со многими одноклассниками через год придётся расстаться. Я оглядел приятелей. За лето сильно изменились, вытянулись. Только я оставался в числе самых маленьких. Девчонки вообще изменились до неузнаваемости. Вон Надечка Кущина перекрасилась, сделала модную стрижку. Вика Шелег, дочка нашей математички, та вообще королева. Коса ниже пояса, глаза подведены, платье алое. Любой мальчишка, проходя мимо, обернётся... Одна Светка Крылова – как была Язвой, так и осталась. Вы в курсе, что «ЯЗВа» – это сокращение от «Я Знаю Всё»? Так вот, Светка – самая упёртая Язва из всех. Хоть и симпатичная. Её даже наши хулиганы-близнецы побаиваются, потому никогда не трогают.

Язва сидела на первой парте первого ряда, как обычно одна, ибо списывать не давала никому. Последними на ряду ютились мы с Петькой – ленивым двоечником, который в школе после девятого точно не задержится. Петьку это не расстраивало. Он был музыкантом. Не абы каким, а настоящей звездой района. На электрогитаре играл так, что утирала слёзы умиления даже учительница музыки – большая любительница Чайковского и Баха.

Сегодня Петька остался без компании. Его опередила Элька, пристроившись рядом со мной. Она не обращала внимания на заинтересованные перешёптывания: «Новенькая!», «Уже к Щуке липнет, коза!», «Интересно, у неё свои волосы или шиньон?»

Вошедшая Римма Сергеевна, Чёрная Римма, наша географичка, женщина с фигурой топ-модели, в стильных очках-хамелеонах, чёрно-белом костюме и на высоченных шпильках, заставила всех замолкнуть. Кивком головы она указала «бесхозному» Петьке на пустующий стул рядом с Язвой Светкой и, пересчитав всех восемнадцать учеников, учинила опрос – кто что помнит за прошлые годы? Жестокий опрос – с оценками в журнал. Но никто даже не пикнул.

Чёрную Римму мы уважали и боялись, хотя бы за умение осадить учеников, когда класс шёл в разгон. В выражениях она не стеснялась, но обзывалась прилично, литературно, за что даже Язва Светочка, большая любительница закладывать всех и вся, не могла ничего сказать.

В качестве бонуса Римма Сергеевна была удивительной рассказчицей, не ленилась приносить из дома диски с фильмами о жизни далёких стран и устраивать нам видеоэкскурсии, куда более доходчиво объясняющие жизнь в далёких уголках планеты, чем скучные учебники. А ещё она обращалась к нам по-взрослому, на «вы», чем окончательно сбивала спесь даже с самых говорливых и неуправляемых личностей.

Сегодня она была особенно жестокой, вызвала очередную жертву и, ткнув указкой в карту, требовала отчёта – что жертва помнит о той или иной стране? Было бы терпимо, если бы не двойки и тройки в журнале – и это 1 сентября!

И всё-таки бывают приятные моменты. Язве достался Камерун.

– Э-э-э, – глубокомысленно начала свой гениальный ответ Светка, в отчаянии ища поддержки у класса. Размечталась! Кто же ей подскажет? – Камерун – это страна. Страна находится в Африке. Африка находится между Атлантическим и Индийским океанами...

– Океаны находятся на Земле. Земля парит в космосе. Так, Крылова? – не без удовольствия дополнила её гениальную речь Чёрная Римма. Язву она тоже не любила.

– Конечно, Римма Сергеевна. – Светка покраснела до корней светлых волос.

– Продолжайте выстроенную вами логическую цепочку, Крылова. Где же находится космос? И какое в нём место несчастного Камеруна?

Народ начал тихо (пока тихо) хихикать. Крылова переминалась с ноги на ногу у карты и сверлила взглядом пол.

– Ну же, Светлана, не стесняйтесь. Галилей с Коперником тоже когда-то не постеснялись. Зато их имена остались в веках. Быть может, и вам уготована участь осчастливить человечество своей великой мудростью?

Голос Чёрной Риммы был вкрадчивым, неторопливым. Он густым йогуртом тёк по классу, укачивая лодочки парт. Только у доски раскрывалась воронка водоворота, куда затягивало несчастную Язву.

– Я не знаю, Римма Сергеевна. Я не помню про Камерун, – подписала себе приговор Крылова. – Если вы спросите меня про любую другую страну...

– Ну что вы, Крылова, чем так провинились жители чудесной африканской страны, что вы обходите их своим вниманием? Вы считаете этот уголок Вселенной хуже других? Или себя лучше их? Я не засчитываю вам ответ. Садитесь, «два».

Крылова сжала трясущиеся губы и гордо прошептала за парту под сдавленные смешки довольных одноклассников.

– Я не поняла причину столь бурного веселья в начале урока, господа, – успокоила нас Римма. – Веселье только начинается. Следующая страна, воспоминания о которой вам следует обновить, – указка ткнулась в небольшой островок, – Папуа-Новая Гвинея...

Мне повезло. Указка Риммы выбрала для меня Монголию, про которую я недавно смотрел фильм по каналу «Путешествия». Плюс – читал книгу о Чингисхане. Так что на четвёрку выкрутился.

В середине урока в открывшуюся от «сквозняка» дверь пробрался Валентин, уселся за нами и с нескрываемым интересом принялся наблюдать за бесплатным зверинцем.

Эльку Чёрная Римма оставила «на сладкое» и, ко всеобщей радости класса, устроила ей полноценный экзамен. Элька не молчала. Казалось, особенности климата, залежи полезных ископаемых, основные промышленные центры она помнит наизусть. Указка Эльки смело скользила по карте, вызывая немалый шок у класса и учительницы.

– Тихонова, а что вы помните про Индию? – когда, казалось, спросить больше нечего, вспомнила Римма.

– Индия... Индия... – забормотала Элька, вглядываясь мне за спину. Вот оно что. Защитник делился усвоенными знаниями. А тут промашка вышла – не дочитал он, не доплыл по морям-океанам Интернета до Индийских берегов!

Класс облегчённо вздохнул. Вторую Язву не вынес бы никто. Римма была готова отпустить Эльку, как та всё испортила.

– Индия... Кино с песнями... Не то... А, точно! В Индии существу... существовал город. Мохенджо-Даро он назывался. Он был богатым, развитым для своих времён, не помню, сколько тысяч лет до нашей эры. Кажется, более двух. Стены кирпичные, водопровод и прочие блага цивилизации там уже имелись.

Чёрная Римма заинтересованно присела за стол и принялась наблюдать поверх очков за умничающей ученицей. Откуда Тихонова это выкопала? Я что-то слышал про погибший город. Но чтобы про него на уроке географии...

– И вот однажды город погиб от взрыва атомной бомбы. Тогда же и погиб, много лет до нашей эры, – упорствовала Элька, игнорируя мои кивки и ужимки. – В отчётах археологов так и написано – высокотемпературное воздействие. Бах – и спеклись в лепёшку люди и камни.

Элька всплеснула руками, очевидно показывая, какой гигантский был «бах»! Класс застонал от восторга.

– Косвенно намекает на причины гибели «Махабхарата», героический эпос индийцев, – продолжала наша малолетняя индианка. – В войне богов, то есть, как подозревают некоторые учёные, более развитых цивилизаций или инопланетян, но данное замечание не доказано,

титаны и боги схлестнулись в смертельной битве. В итоге город погиб. Эпицентр гибели напоминает Хиросиму и Нагасаки после атомной бомбежки американцами в 1945 году.

– Во даёт! – обернулся ко мне Лёшка. – Римма её закопает.

Ну да, Чёрная Римма не любит, когда кто-то бывает умнее её.

К концу рассказа ошалевший от подобного класс опасно притих. Я-то понимал, что означает затишье. Но не Элька. Звонok прогремел как колокол в Хиросиме (Чёрная Римма сама про него рассказывала). Прогремел и разбудил школьников:

– Индианка! – открыла сезон охоты Вика Шелег.

– Радиоактивная! – презрительно поправила её вечная соперница – Надечка Кушина.

И я понял – Эльке не отмыться. Зря она с этой Индией. Украдкой оглянулся назад и показал кулак Валентину. Если это он нашептал Тихоновой – несдобровать проходимцу. Придумаю что-нибудь гадкое...

Римма нас не отпускала. Терпеливо дождавшись, пока класс утомится, она громко захлопнула журнал и с видимым удовольствием проворковала:

– С первым сентября вас, господа. На следующем уроке сказки о том, что в Австрии обитают кенгуру, а в Индии была атомная война, вам не помогут. Всего доброго.

Теперь урок окончен. Я принялся записывать вещи в сумку, как в грудь мне угодил чей-то ластик.

– Шука, не сиди с ней, она заразная, – проникновенным голосом сообщила мне Вика.

– Не заразная, а радиоактивная, – поправил отличник Лёша. – От неё лучевая болезнь случается. Кожа облезет, зубы выпадут...

– И дети у вас уроды получатся, – добавил свои пять копеек Петька.

– Если такие же, как ты, – не удержалась Элька, – я лучше в монастырь уйду.

Я не стал выслушивать перепалку. Люблю родной класс за душевность и взаимовыручку при ловле жертвы – будь то неудачливый одноклассник или неприглянувшийся учитель. Поэтому я подтолкнул Тихонову к выходу. Вслед нам неслось: «А, Радиоактивная!»

– Поздравляю, – мрачно шепнул я Эле. – Самые худшие прозвища – это не производные от фамилии, какой бы гадкой она ни была. И не прилипшие в детстве дразнилки, когда фантазия не включена на полную катушку. А заработанные сейчас. Поздравляю, оно у тебя появилась. Будешь отмечать крестины?

– Иди ты! – отвернулась Тихонова. Сама виновата. Кто её за язык тянул?

– Ладно, не дуйся. Перебесятся за сентябрь, потом легче станет, – успокоил я соседку.

В собственные слова я верил слабо. Инга Васильева, наша Васька-Промокаська, полтора года вытерпела. После чего перевелась в другую школу. Ездит теперь через полгорода, зато жизнью довольна.

Элька насупилась, отвернулась и до конца несуразного первого сентября промолчала, игнорируя всеобщее веселье по поводу свежеполученного прозвища. Валентин куда-то исчез. Со школой знакомился или окончательно стал невидимым? Интересно, он может далеко от меня отлучаться или привязан заклинанием? Вот, ёлки облезлые, уже рассуждаю, как колдун со стажем.

После уроков (скорее не уроков, а бесед на тему «Как я провёл лето») я решил заглянуть к Славке, запоздало вспомнил оброненную Элькой фразу, мол, информатик – не человек. Тихонова следовала за мной по пятам. Она, как и я, не пошла в кафе. К моим причудам и некомпанейскому поведению одноклассники привыкли и не реагировали. Знали – Шуке карманных денег дают в обрез. Не разгуляешься. А вот Радиоактивная Элька их очень интересовала.

– Ты что, свой класс не уважаешь? – привязался к ней Петька, пока остальные, столпившись возле раздевалки, решали, где гулять. – Предки денег не дают? Так я одолжу, хоть ты и заразная. Пойдём.

– Брось, Петя, – царственно подняла острый подбородок Вика, беря гитариста-двоечника под локоть. – Не видишь, она в Щуку втрескалась. Зачем тебе эта больная на голову?

Что сделала Элька, я тогда не отследил. Тихонова просто подняла руку ладонью вперёд, точно собираясь ударить, но не ударила, только сжала пальцы в кулак. Длинная коса – краса и гордость Вики, обвила дочку математички за горло, а кисточка с резинкой, увешанной металлическими подвесками, принялась больно хлестать её по губам.

– Пойдём, Женя, – не менее царственно произнесла Эля, глядя, как Вика отбивается от собственной косы, а Петька, разинув рот, стоит рядом. – Она сейчас чихать начнёт. Ещё заразится...

Вправду, Вика справилась со своей растрепавшейся причёской и тут же зашла чихом, растирая соплю по лицу.

– Фу! – очнулся Петька. – Радиоактивная Вику заразила! Радиоактивная заразная! И Шелег теперь тоже заразная! – помчался он сообщать одноклассникам.

Хуже уже просто некуда. Я взял Эльку за руку и потащил за собой на второй этаж. Молча дойдя до кабинета информатики, я втолкнул Тихонову внутрь, прикрыл за собой дверь и только тогда повернулся к Эльке.

– Что ты с ней сделала?

– Наказала. Теперь только попробует обзваться – чихать ей и чихать! На месяц прокляну!

– Не стоило демонстрировать свои способности на людях, – в дверях подсобки появился Славик. Отчего-то я сразу понял – он всё знает.

– В отличие от тебя мне нет смысла таиться, – огрызнулась Элька.

– Да ну? – удивился информатик.

Он приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Я мельком успел заметить Валентина. Тот с интересом изучал стенд с предупреждениями, как вести себя в случае пожаров и терактов. На душе полегчало. Если что – может защитить. Славка уже щёлкал замком, запирая дверь. Потом для надёжности закрыл жалюзи на окнах и повернулся к нам.

– Таинственная девочка, поведай мне, несведущему, почему так себя ведёшь? И что ты знаешь про меня?

Вот влипpli! В тёмном кабинете, озарённом только бледным светом лампочек на бесперебойниках, стало неуютно.

– Ничего я про тебя не знаю, – надулась Элька, ещё не пришедшая в себя после «общения» с Викой.

– Позволь не согласиться.

Напрочь исчезло его заикание, ссутуленная фигура распрямилась. Славик расстегнул верхнюю пуговицу на джинсовой куртке и мотнул головой, разминая шею. Его привычный жест сейчас меня насторожил. Он всегда так делает, когда волнуется.

За окнами рокотал дождь, колотя по металлическим подоконникам. Где-то внизу надрывалась автомобильная сигнализация. День знаний, окончательно испорченный, таял во тьме непогоды.

– Вячеслав Игоревич, – вступился я за соседку. – Мы с Элей просто фантастики много читаем. Вот и...

– И у кого, интересно, после чтения фантастики способности особые появляются? – упорствовал учитель. – Вас послушаешь, так каждому после десятка книжечек следует присваивать звание магистра магических искусств.

– Бабушка сказала – я экстрасенс, только необученный ещё, – выдала моя соседка.

И почему я не удивляюсь? Славик стащил с головы кепку и почесал затылок. Отросшие за лето волосы торчали во все стороны. В глазах отражались зелёные и синие лампочки бесперебойки. Уж лучше бы мы пошли вместе со всеми в кафе...

– Я бы с этим поспорил, – покачал головой учитель. – Ты очень непохожа на обычного экстрасенса. Нам, нелюдям, следует держаться вместе. Тем более сейчас.

– Ты о чём? – ошетибилась Эля.

– Ты не в курсе? – искренне удивился информатик.

– Э, у меня дома утюг не выключен, – пробормотал я, косясь на дверь.

– Сидеть, Щука! – неожиданно сердито цыкнула на меня Элька. Она потянула к себе ближайший стул, развернула спинкой к нам, уселась на него верхом, скрестила на груди руки и приготовилась слушать. – А теперь я хочу узнать всё, – потребовала она от учителя.

– Что «всё», девочка? – теперь уже Славик прикинулся валенком.

– Кто ты? С кем разговаривал, когда мы пришли к тебе в прошлый раз? Отчего называешь меня нелюдем?

– Хм, дети... – Славка уже десять раз пожалел, что связался с нами. – Вы уверены, что вам...

– Мы уже в девятом классе, – оборвала его речь Тихонова. – И детьми нас называют только родители.

– Не стану спорить. Хорошо, – сдался он, – всё равно вам никто не поверит, вздумай вы рассказать это другим. Зато мой рассказ поможет вам защититься в случае чего. Особенно тебе, – кивнул он моей соседке. – Начну сначала. Очень-очень давно...

Очень-очень давно, когда людей ещё не было... когда не было даже прежних властителей планеты – огромных зубастых динозавров, во влажных тёмных лесах зародилась особая жизнь. Особая, поскольку существа, там появившиеся, не были ни людьми, ни растениями. Нечто среднее, таинственное, неведомое нынешним учёным, постигало мир, училось выживать, совершенствовалось и развивалось. Во мраке гигантских хвощей и папоротников скапливался зеленоватый туман, собирался в клубки, извивался змеями, не имея постоянного облика.

Когда эпоха динозавров сменилась эпохой людей, обитатели лесов принялись подстраиваться под новых разумных существ, не в меру любознательных и отважных. Приходилось изменять внешность, становиться похожими на закутанных в шкуры охотников. Но люди менялись слишком быстро. Обстоятельные лесные добились внешнего сходства. А трансформировать своё естество не пожелали. Не пожелали они и вести дела с воинственными людьми, окончательно ушли в леса, оставшись в преданиях и легендах разных народов феями, лесными духами, эльфами, лешими и болотниками. Лишь великие человеческие чародеи могли дозваться лесных владык и спросить у них помощи.

Шли века, отстраивались и становились прахом людские царства, менялись верования и забывались легенды.

Лесные почти не общались с людьми, почти забыли об их существовании. Напрасно. В начале XX века по человеческому счёту молодая раса напомнила о себе, преобразуя складывающийся тысячелетиями пейзаж планеты. И с исчезновением лесов, поворотом рек и высыханием морей начали терять свою магию лесные. Терять и гибнуть, ибо без магии они становились бессильными. Чтобы выжить, следовало действовать незамедлительно.

Их дворцы осыпались источенной жучками-короедами безжизненной трухой. Их дети рождались всё более похожими на вас, с коротким сроком жизни. Дети уходили в города, восхищаясь каменной архитектурой и вашей наукой. Уходили и становились городскими – почти людьми. Но в последние десятилетия городские вдруг осознали: магия возвращается к ним. Именно города, каменные, разрастающиеся города, стали новым её источником.

Лесные тоже поняли это, но их сдерживал мирный договор, пописанный сто лет назад. Рост городов означал возвышение беглецов и постепенное ослабление лесных. Городские опасались противостояния и принялись укреплять свои новые владения.

– Мы долго думали и поняли: пока сами не возьмёмся за управление вашим прогрессом – не будет нам покоя, – окончательно ошарашил нас учитель.

– Гринпис? – не удержался я, припоминая название организации, упорно борющейся за улучшение экологии.

– Нет, – скривился Славка. – Это ваше детище. Воевать подобными методами – чисто людской обычай. Куда более действенно управлять процессом развития напрямую...

После долгих споров городские поняли – для их выживания необходимо выполнение нескольких условий. Людские города должны расти ввысь, а не вширь, дабы сохранялись леса и поля, то есть не злить лесных жителей. Посевы должны давать больше урожая, опять же, чтобы прокормить растущее человеческое население и не провоцировать вырубку лесов. Люди обязаны научиться хранить свою старину, захотеть купаться в чистых реках и озёрах, привыкнуть ценить ускользящую красоту каждого дня, проведённого на природе. Тогда будет мир.

– На первый взгляд это слишком просто, – вздохнул Славка. – Но других вариантов у нас не было. Мы не желали воевать со своими сородичами. Поэтому единственным выходом было – ускорить ваше развитие, изменить взгляды на жизнь, убедить занимать как можно меньше места в угоду сохранения природы.

Элька прикрыла ладонью рот, подавляя смехок. Славка недовольно покачал головой и продолжал:

– Самое сложное в нашем деле – уберечь вас, чересчур агрессивных, от самоуничтожения и уничтожения нас. Однажды нам, тогда ещё поголовно лесным, это удалось. Я слышал в учительской рассказ Риммы Сергеевны о сегодняшнем уроке. – Славка кивнул Эле. – Ты права, однажды люди были близки к катастрофе. И вынудили нас вмешаться. Но тогда мы были не в пример сильнее, чем сегодня.

Я едва сдержался, чтобы не присвистнуть. Вот оно как получается! За нами следят, нас, неразумных, контролируют, точно детей малых. Обидно.

– Но то одна сторона проблемы, не самая важная. – Славка огорчил меня ещё больше. – В рядах лесных созрел раскол. Одни выступают за полное уничтожение нас, городских, другие готовы подписать договорённости, ограничивающие нас в правах.

– Весело, – оживилась Элька. На протяжении всего рассказа учителя она колупала синюю краску со спинки деревянного стула. Проковыряла весьма значительную дыру, обнажая потемневшее дерево.

– Подписанный между нами сто лет назад мирный союз трещит, точно сухой тополь в часы бури. Его срок истекает в конце этого сентября, и будет ли новый – неведомо.

– В чём проблема? Воюйте. Только между собой, людей не трогайте! – с вызовом в голосе заявила Элька, оставив в покое краску на спинке стула. Она вцепилась обеими руками в деревянную планку и приподнялась. Её глаза вспыхнули зелёным светом ярче лампочек на бесперебойниках.

Люди, вы что, обалдели? Я заёрзал на стуле, вертя головой от Славки к Эле и обратно. Ёлки облезлые, они же оба – ненормальные ролевики! Здоровый человек в подобный бред верить не должен!

– Женька, – вдруг встрепенулся Слава, – и ты, Эля, да? Уходите отсюда. Не для вас это. Маленькие ещё. Не стоит рисковать! Если подслушают мой рассказ...

– Пожалел нас, палочник, живущий под ёлкой в норке, питающийся палой листвой и талой водой, – накинулась на него соседка. – Что ты делаешь в городе, признавайся? Ты не городской?

Я ощутил еле заметное движение воздуха в классе, дуновение ветра в лицо, запах прелой листвы. Листья жёлтые, мокрые, тяжело ложащиеся на землю, прибываемые к ней струями дождей. Таких, как сейчас. Вылинялый цвет лесов, осыпающиеся ягоды рябины, давно нехоженые тропы... копящееся за пределами видимости человеческого глаза нечто, тяжёлое и чуждое, которое настигает, если задержаться в лесу дольше положенного, если заблудиться. Нечто дикое, которое смотрит в спину голодным взглядом, хищно скалится, тяжело дышит.

Над тобой смыкаются ветви, забываются приметы и правила поведения в лесу. Напрочь отказывает память – где же ты только что прошёл? И ничего знакомого!

Я потерялся однажды по осени. Маленький был. Родители поехали с друзьями на шашлыки, взяли меня и... Не помню, как потерялся. Помню только ужас и уносящиеся к небу ровные стволы сосен, тёмную тяжесть еловых ветвей и падающие бурые листья. Нашли меня только через три часа, когда отец съездил в ближайшую деревеньку за подмогой. С тех пор я стал неисправимым домоседом – боюсь чужих мест, боюсь повторения пережитого однажды.

Ощущение реальности возвращалось нехотя, тяжело. Сквозь головокружение проступил в полумраке Славка, сидящий на столе, настороженная Элька.

– Я городской, непонятная девочка, так похожая на нас, – медленно ответил учитель. –

Лесные уже пытались нарушить договор. Они начали воровать нас по одному, отвозить в чащобы, переколдовывать души пленников. У них ещё достаточно силы. Когда их собирается достаточно количество, отказывает людская техника, случается непоправимое. Однажды они своим присутствием уничтожили целый город. Догадываетесь какой?

– Припать, – беззвучно произнесла Эля.

Славка только кивнул.

– Они уже не могут без людей. А нас ненавидят, считая предателями. Если новый договор не будет подписан – разразится война. И пострадают ваши города. Вы, люди, сами умеете устраивать себе катастрофы. Но то, что начнётся в случае войны, будет поистине ужасным. Остановятся заводы, рухнут плотины... Да мало ли что может случиться! В ближайший месяц всё должно решиться для вашего города и не только. Так что мой вам совет – поостерегитесь. Дом – школа – дом: больше никуда не ходите. Женя, сам будь осторожен и... предупреди Аню. Без рассказанных мной историй. Просто предупреди...

– Понял уже, – буркнул я. Ишь, про сестру вспомнил, оборотень!

– Эля, у тебя особые таланты. Тебя они могут привлечь к своим тёмным обрядам. Поостерегись.

Славка встал. Щёлкнул выключатель. Я зажмурился от яркого света, возвращаясь в реальность окончательно. Где-то там пили горячий шоколад (а может, что покрепче) с пирожными мои одноклассники, обсуждали смытое сегодняшним ливнем лето. Где-то спешили по домам люди, печатались газеты с городскими новостями, главы городов и области решали вопросы подготовки к зиме, а здесь в школе № 18 учитель информатики, а по совместительству городской эльф или как его там величать, рассказывал об угрозе со стороны своих сородичей. Самое отвратительное – я ему верил. И Эльке, потомственной ведьме, верил. И защитнику Валентину, терпеливо ожидающему нас под дверью, тоже.

– Вы домой собираетесь? – подчёркнуто громко поинтересовался Славик, выключая рубильник. Лампочки бесперебойников померкли.

– Да, Вячеслав Игоревич. Спасибо за интересный рассказ, – ответил я ему.

Элька промолчала, подобрала с пола сумку с тетрадями, закинула за плечо и кивнула в сторону двери.

– Доброго вечера, – обронила она на прощание.

Я пожал руку Славке и вышел вслед за ней.

Валентин обнаружился на широком крыльце. Стоя под навесом, он задумчиво следил за дождевыми струями и вертел в длинных пальцах флейту. Паршивая у него работа оказывается – ждать.

– Пойдём? – спросил я его, раскрывая зонт.

– Некогда в другом городе вашего мира, в Гаммельне, мне дали прозвище Флейтист. Если я заиграю, интересно, куда музыка уведёт меня на этот раз? – ни к кому не обращаясь, спросил он.

– Ты Крысолов? – удивилась Элька.

– Я предпочитаю именовать себя Флейтистом. Или данным мне сейчас именем Валентин. Я слышал, что рассказывал вам этот...

Он подбросил флейту в руке, она вытянулась, обернулась тростью, потом зонтиком. Подвесив зонтик над собой, он шагнул под дождь, пропуская нас вперёд.

– Тогда музыка увела детей города Гаммельна к ним, эльфам, в зачарованный край, – донёсся до нас его звонкий голос.

– И что? – обернулась к нему Эля.

– Магия – ресурс не бесконечный. А рабочие руки нужны всегда, – ответил защитник.

– Ты поставлял им рабов? – ужаснулся я.

– Эльфы всегда воровали человеческих детей. Тогда нанимателями выступали они. Я не мог послушаться. Запредельному вообще нет дел до ваших дрызг, смертные. Ему важны эмоции, добрые или злые – не так важно. В забвении оно теряет силы. На вашей родине о нём помнят лишь немногочисленные эльфы да полсотни истинно сильных колдунов и шаманов, половину из которых вытащила из глубинки и обучила твоя бабка – Тара.

Эля Тихонова

До двенадцати лет Эля прожила на Севере и о существовании могущественной бабули не предполагала. Отец с матерью кочевали из гарнизона в гарнизон. Учебные заведения сменяли друг друга, не оставляя в голове юной Тихоновой ни малейшего следа. О каких знаниях шла речь, если за год девочка могла поучиться в четырёх школах, не успев запомнить имена одноклассников и учителей?

В шестом классе ей повезло. Отец задержался в военной части близ Мурманска, и девочка впервые проходила в одну школу целый год. Учиться ей понравилось, хотя общего языка с местными ребятами она так и не нашла. И было от чего. Любое пожелание мелких неприятностей, брошенное обиженной Элькой, незамедлительно воплощалось в реальность. За глаза её прозвали Цыганкой и стали побаиваться вначале дети, а потом и их родители. Особо обиженные уже строчили гневные письма чиновникам и на местное телевидение, требуя перевести опасного ребёнка куда-нибудь подальше. Мать с отцом хватались за голову. Элька бесильно разводила руками: не могла она ничего с собой поделать. Само получалось. Пусть не обижают её, и бед не будет.

К середине октября следующего года ситуация накалилась до предела. И вот тогда в жизни отчаявшейся Эльки возникла бабушка. Вечером, когда мать в очередной раз наорала на дочку за насланное на обидчика заикание и ушла на общую кухню готовить ужин, в дверь постучали. Зарёванная Эля потащилась открывать. На пороге комнаты словно соткалась из мрака общежитского коридора высокая женщина в отороченном мехом плаще. В ушах, точно отблески северного сияния, горели крупными изумрудами серьги. Ещё более ярким светом лучились раскосые восточные глаза незнакомки.

– Собирайся, Элеонора, мы уезжаем в Москву! – не здороваясь, заявила шикарная дама, презрительно оглядывая убогую обстановку общежитской двухкомнатной квартирki.

– Мама? – удивлённо встал с дивана Элькин отец. – Как ты нас нашла? Ах да, ты же всё всегда знаешь, как я мог забыть? – Он принял из рук женщины кожаный портфель и помог снять плащ.

– Нам следует поговорить, сын. И с тобой, Марина, тоже, – обернулась она к вернувшейся с общей кухни невестке.

Девочка украдкой разглядывала новоиспечённую бабушку. Та оказалась тонкая, не тощая, а скорее спортивная. Властная, стремительная в движениях и словах. Красивое аристократическое лицо обрамляли выющиеся волосы чуть ниже плеч, то ли седые, то ли очень светлые – в жёлтом свете плафона не разобрать. Чёрный строгий костюм сидел по фигуре, стрелки на брюках были отглажены идеально. Ботинки на высочайшей шпильке, что совсем удивительно в её возрасте. Посреди комнатки армейского общежития возвышалась не рядовая бабушка, а скорее элегантно стареющая кинозвезда.

Элька удивлённо наблюдала за растерянными лицами родителей. Кто эта женщина? Почему о ней никто ничего не говорил? Отчего отец, непререкаемый авторитет, сейчас понуро кивает головой на её слова, послушно идёт следом во вторую комнату и плотно прикрывает за собой дверь?

– Максим, Марина, – начала свою речь гостья.

Эльке даже не пришлось прислушиваться. Тонкие перегородки и полая фанерная дверь не делали секрета из беседы.

– Вы понимаете – девочке здесь не место! – Голос женщины приказывал. – Ты, – Эля поняла – бабуля обращалась к сыну, – отказался от обучения, по глупости растратил свой Дар. Я понимаю, ты гордый, желал всего добиться самостоятельно. Захотел летать – полетел. Я не

стала мешать, отошла в сторону. Но дочку твою я загубить не дам. До меня дошли слухи – какая здесь учёба.

– Мама... – начал было отец.

– Тихо, Максим. С тобой мы всё решили давно. У тебя своя жизнь, у меня своя. Пока ты добиваешься генеральских пагонов, чтобы выйти на пенсию прапорщиком, – по голосу было слышно, она усмехается, – поразмысли – какое будущее ты уготовил дочери? Что она знает? Не из наших искусств, из рядовой школьной программы? Ты смотрел её оценки в четвертях? А я только что из школы. Все документы на перевод в Москву у меня. Не спорь! – одёрнула она попытавшуюся возражать мать. – Ей там будет лучше. Годик-другой поучится как следует, а там видно будет...

Так Элька познакомилась с бабушкой – Тарой Владленовной Тихоновой, или просто Тарой, как та просила себя величать. Дорогу до Мурманска и перелёт до Москвы девочка помнила смутно – на все возражения и расспросы Тара сказала твёрдое: «Потом», и девочка вынуждена была замолчать. Встретившая бабушку в аэропорту белоснежная машина с водителем отчего-то не удивила. Всю дорогу Тара проговорила по телефону, дав возможность внучке полюбоваться видами из окна.

Когда за окнами замелькали озарённые огнями центральные улицы, бабушка вспомнила об Эле.

– Костя, – обратилась она к водителю, – вези вещи девочки в квартиру, попроси Кристину подготовить комнату, а нам останови возле офиса. Хочу решить пару вопросов. Через два часа жди меня у входа. Элеонора, это недолго.

Жутко стесняясь, Элька ступила на старательно вычищенный от листвы асфальт и зачарованно задрала голову. Ого, небоскрёбище! Такие она видела только в кино. А сейчас швейцар услужливо распахнул двери перед высокой седой (теперь уже Эля это точно видела) женщиной, впуская в озарённый десятками ламп холл. Там, возле белой гладкой колонны перед фонтанчиком Тару уже ждал статный горбоносый блондин в белоснежном костюме.

– Эрик, какие глупости случились за время моего отсутствия? – небрежно бросила она, проходя мимо него.

Блондин в два шага нагнал хозяйку (а так ведут себя только хозяева) и принялся отчитываться:

– Просили помочь с нефтеразведкой. Прислали подробную карту. Фотосъёмка со спутника свежая. Наши уже проработали, но требуется ваша проверка...

– Дальше, – подходя к лифту, потребовала женщина.

– За больную жену министра просили уважаемые люди. Иной надежды, кроме вас, нет.

– Посмотрю завтра. Дальше.

Двери лифта плавно разъехались в разные стороны. Тара положила на плечо Эле руку и легонько подтолкнула девочку внутрь. Даже через плотную ткань куртки и свитер Эля ощутила жар, идущий от женщины.

– Осталось по мелочам, – послушно продолжал горбоносый. – Некая музыкальная группа просила заговорить их альбом на успех. Я хотел поручить это ученикам, но главный солист – сын знакомого нам обоим генерала. Обидится. В смысле – генерал обидится.

– А-а-а, это тот бездарный, – Тара похлопала девочку по плечу и убрала руку, – поможем. Нам не жалко. Что ещё?

– Группа уфологов закидала Интернет сообщениями о летающих тарелках где-то в Подмосковье. В дополнение вышла книга очередного «контактёра с внеземным разумом» с подробной классификацией инопланетных рас. Бредятина полная. Но вам посмотреть стоит. Вроде всё, – закончил речь блондин, и в подтверждение его слов лифт остановился, выпуская пассажиров в просторный светлый коридор с высоченными потолками.

– Спасибо, Эрик, – откликнулась на его старания Тара. – Позанимайся моей внучкой, как я и просила, пока я побеседую со всеми этими персонажами.

На персонажей, курсирующих по коридору, перебегающих из кабинета в кабинет, Элька смотрела, разинув рот от удивления. Здесь что, репетиция детского утренника? Или фильма про индейцев? Вон как раз один такой герой шествует по коридору в полном перьевом наряде. И шаман с бубном – как настоящий. И парочка странно одетых товарищей в чёрном, с массивными цепями на шее. В части на подобной цепи сидела овчарка Пуля, старая, беззубая и потому злючая. Во всяком случае, Элю она облаивала постоянно.

– Пошли, – уже тянул её за руку Эрик. – Пора мерки снимать. Ты же любишь наряжаться?

– Обожаю, – честно призналась девочка.

Пока её обмеряли прибывшие прямо в бабушкин офис швеи, Эрик неторопливо поведал о том, кем же собственно является Тара Владленовна. Оказалось – она именитый профессор психологии, руководит лабораторией по изучению необычных способностей человека, сама экстрасенс (только об этом лучше не болтать). А ещё бабушка распорядилась её, Элю, обучать всяким психологическим штучкам, чтобы девочка смогла контролировать свой Дар. И учить её будет именно Эрик, личный помощник и ученик Тары.

Так дочка лётчика и медсестры попала в сказку. Почти два года она ездила на учёбу – три дня в школу, где с ней занимались в частном порядке, и три дня – в бабушкин офис. Там под руководством Эрика и Тары (когда у той выдавались свободные полчаса) она осваивала необычные науки. Элька гордилась своей исключительностью, но переживала, что учёба продвигается слишком медленно.

Однажды сказка закончилась. Отца перевели с Севера, дали квартиру поближе к Москве. Мать тут же нашла себе работу в местной районной больнице. И всё... Могущественная бабушка выставила внучку за дверь.

– Элеонора, – заявила она девочке, – меня в этом году ждут очень важные дела, командировки. Эрик тоже занят. С тобой будет некому заниматься. Так что собирайся, возвращайся к родителям. Пора разобраться с уже полученными знаниями, отработать их на практике. Считаю, я отправляю тебя на каникулы.

Эля искренне хотела обидеться на бабушку. Не получалось. Зато возвращаться к прежней жизни оказалось слишком тяжело, непривычно. За два года девочка отвыкла от родителей. Одно дело – звонки каждую неделю по телефону, короткие визиты матери или отца, так и не решившегося помириться с бабушкой. И совсем другое – вновь жить с ними под одной крышей. Эля уже не была тем диким ребёнком, каким они её помнили. Но родители не желали замечать перемен в дочери, что очень расстраивало девочку. От тоски по московской жизни её спас новый сосед – Женька, забавный парень, неожиданно установивший за ней слежку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.